

Фернандо Аинса

Утопия: альтернативные модели и формы культурного самовыражения в Латинской Америке

Новые основы утопии «из» и «для» Латинской Америки

Утопия — уже не политический проект революционного изменения общества, чем она была на протяжении XX в. Сегодня утопия больше связана с антропологией и культурологией. Предлагаемые ею изменения более демократичны и глубоко укоренены в гуманизме. В Латинской Америке имеется интересный опыт исследований в плане открывающейся новой перспективы. В настоящем эссе представлены несколько примеров этих работ.

Ключевые слова: утопия, культура, толерантность, прагматизм, будущее, демократия.

В современном понимании слово утопия обесценилось и обрело негативный смысл. В обыденной речи оно стало синонимом поиска невозможного, мечты или неосуществимой химеры, безмерных прожектов, которые, даже будучи разумными с теоретической точки зрения, оказываются несовременными, «вышедшими из моды». Смысл выражения «нет такого места», а именно так переводится «Утопия» Т.Мора*, согласно общепринятой этимологической версии, кажется подтвержденным фактами, поскольку все говорит о том, что в мире не осталось мест, с которыми можно было бы связывать проекты альтернативной реальности. Так, в конце XX в. выражение «место, которого нет» стало определять семантическую судьбу слова «утопия».

Фернандо Аинса — уругвайский критик и эссеист, автор ряда исследований латиноамериканской культуры, специалист по проблемам утопии (fernando-ainsal@gmail.com).

* Томас Мор (1478—1535) — английский философ и политический деятель эпохи Возрождения, основоположник утопического социализма, автор книги «Утопия» (1516), давшей название жанру.

В стремительном разрушении надежд и мечтаний, с которым идентифицирует себя постмодернизм, утопическая функция, неразрывно связанная с историей индивидуального и коллективного воображения с тех пор как человек стал *homo sapiens*, внезапно была признана недействительной и выброшена «в сундук», откуда на распродажу выставляются обветшалые идеологии, непригодные дать ответ на новые вызовы.

«Грезы наяву», о которых писал Эрнст Блох* в фундаментальном труде «Принцип надежды»¹, столь характерные для значительной части истории мысли XX в., превратились в скопище разочарований, если не кошмарных наваждений; и всякая попытка новой утопии отсылает лишь к грустной реальности осуществленных утопий или антиутопий, о которых нам рассказывают «Мы» Евгения Замятина, «О, дивный новый мир» Олдоса Хаксли или «1984» Джорджа Оруэлла**. В результате понятие «конца метарассказа истории» оказалось некритически смешанным с «концом утопий», и это — спустя столетие после их широкого распространения во всем мире.

На самом деле, если мы посмотрим назад под углом зрения истории утопии, то мы увидим, что прошедший век был переполнен идеями и проектами, художественными течениями, роскошным авангардом, радикальными манифестами; то был век выдающихся идеологов и инакомыслящих писателей, взрывных талантов и страстных полемик; мощных политических движений, массовых истерий и столь же массовой холодно спланированной бойни, кровавых гражданских войн, таких, как испанская война 1936—1939 гг. и двух мировых войн; таких обнадеживающих революций, как Мексиканская 1910 г. и Октябрьская революция 1917 г.; затем — революция на Кубе в 1959 г.; китайская «культурная революция» и «Красная книжечка» председателя Мао***. То были годы, когда одно лишь слово «революция» обещало разрешение всех проблем; годы радикальной критики капиталистической системы и «отмены» буржуазии, которой предстояло исчезнуть; разоблачения империализма и общества потребления; годы, когда мораль и политика казались одним целым, а молодежь превратилась в хранителя будущего и главного участника «прямых действий» настоящего, о чем свидетельствуют события 60-х годов в Беркли, Мехико и Париже.

Век, когда понимание было принесено в жертву убежденности, когда огульная критика и теоретический абсолютизм стали насаждаться такими «гуру» социальной мысли, как Герберт Маркузе, Иван Иллич****, Жан-

* Эрнст Симон Блох (1885—1977) — современный немецкий философ, социолог и публицист неомарксистской ориентации. Создатель «философии надежды».

** Евгений Иванович Замятин (1884—1937) — русский писатель XX в., основоположник жанра антиутопии; Олдос Леонард Хаксли (1894—1963) — английский писатель XX в., автор антиутопии «О, дивный новый мир» (1932); Джордж Оруэлл (настоящее имя — Эрик Артур Блэр, 1903—1950) — английский писатель и публицист, автор антиутопий «Скотный двор» (1945) и «1984» (1948).

*** Мао Цзедун (1893—1976) — китайский государственный и политический деятель XX в., основоположник маоизма.

**** Герберт Маркузе (1898—1979) — немецкий и американский философ и социолог, представитель Франкфуртской школы, идеолог «Парижской весны» 1968 г.; Иван Иллич (1926—1992) — австрийский философ и теоретик образования, священник, социальный критик левой ориентации, по происхождению хорват.

Поль Сартр*, Мишель Фуко** и многими другими. Век крайностей и эксцессов, из которого утопия после расцвета 1968 г., который, как в Европе, так и в Америке, мог бы стать моментом ее славы, вышла наученной горьким опытом, но непобежденной; однако этот опыт послужил основой для глубоких культурных преобразований, имевших универсальное значение, сохраняющееся по сей день. 1968 г. не привел к революции, это верно, но он означал широкий социальный протест против авторитарных моделей, и хотя этот бунт не увенчался успехом, он все равно повлек глубокие изменения в обществе. Его последствия и сегодня сказываются в образе жизни, языке, музыке, живописи и литературе; в раскрепощенном сексуальном поведении, в новых проблемах человечества: формах прямой демократии, экологии, феминизме, требованиях защиты прав человека и меньшинств, обсуждении идеи о «возможности другого мира».

Однако все указывает на то, что цикл революций XIX—XX вв. завершился. С крахом идеологий, названных Касториадисом*** «псевдореволюционными», жизнь вступила в «эру пустоты», о которой в свою очередь говорит Ж.Липовецкий****, где утопический дискурс, кажется, освобождается от всякой перспективной рефлексии, исчезает накал напряженности ради самодовольной эклектики, либо он снижается до уровня манихейской конфронтации скорее фундаменталистского, чем революционного толка. В последние годы глобализация мира с его дробностью, соблазнами еще больше удалила нас от идеи утопии, и то, что еще недавно казалось глубоким убеждением, обернулось теперь мучительным сомнением, всеобщим углубленным кризисом и скепсисом. Тому способствовал охранительный и манихейский дискурс, насаждаемый после 11 сентября 2001 г. и приведший к дальнейшему наступлению на позиции критического и альтернативного мышления, казалось, нашедшего в антиглобалистских лозунгах «возможного другого мира» путь к утопии.

«Общество мирового риска» привело к тому, что можно назвать «интернационализмом страха». Глобальные экономические страхи, поскольку мы до сих пор живем в условиях финансового кризиса; страхи, вызванные спекулятивным ростом цен на сырье и продукты питания; страхи, порожденные локальными конфликтами и региональными войнами, зачастую имеющими глобальные последствия; экологические страхи, связанные с климатическими изменениями, озоновыми дырами, загрязнением окружающей среды; личные страхи, возникающие из-за отсутствия безопасности, отказа от обязательств и коллективной ответственности, безразличия к другим, — то, что в Рио-де-Ла-Плата называется «невмешательством», — таковы пагубные последствия нашей недавней истории.

* Жан-Поль Сартр (1905—1980) — французский философ, представитель экзистенциализма, писатель, драматург и эссеист. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1964).

** Мишель Поль Фуко (1926—1984) — французский историк, философ, психоаналитик, теоретик культуры.

*** Корнелиус Касториадис (1922—1997) — французский философ, экономист и психоаналитик греческого происхождения.

**** Жиль Липовецкий (1944) — французский философ и социолог, эксперт-консультант Французской Ассоциации Прогресса в Области Менеджмента (APM).

НАПРЯЖЕННОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ МЕЖДУ «СУЩИМ» И «ДОЛЖНЫМ» В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ

Хотя после 1989 г. стало привычным не доверять «снам разума» и попыткам давать готовые решения относительно скрытого завесой будущего, мы не можем согласиться с тем, чтобы именно сейчас, когда крайне необходимо представить возможность другого будущего и найти выход из давящего монотематического *impasse*, в котором мы оказались, единственное политически корректное мышление — утопический дискурс — должен быть исключен из всяких дебатов. Это особенно важно потому, что вследствие дезориентации, спровоцированной исчезновением порядка, предлагавшего лозунги, референции и упрощенные объяснения всему происходящему, находятся люди, подверженные искушению укрыться в идеализированном прошлом или заслониться от мира старыми идеологемами. Именно по этой причине и из-за опасности регресса утопическое мышление должно заявить свои права на «реконструкцию». «Реконструкция утопии» — так мы назвали одну из работ, посвященных этой теме.

И с большим на то основанием утопическая функция должна быть восстановлена в Латинской Америке, где утопия тесно связана со всей историей и мышлением континента. Ведь утопия, изгнанная сегодня из западного коллективного воображения, всегда присутствовала в истории нашего континента, где легко прослеживается противоположность бытия («топии») — онтологии «должного бытия» (утопии). Напряженное противостояние между идеалом и действительностью объясняется не только двойственной природой самого утопического дискурса, но и особым, «разорванным» характером американской идентичности, основополагающие черты которой, зачастую противоречивые, отражали не только то, чем Америка является на самом деле, но и чем она «собирается быть», или в еще большей степени, чем «хотела бы стать».

Эти разрывы объясняют дистанцию, которая всегда существовала между теорией и практикой, между программным дискурсом с сильным компонентом желаемого и объективным анализом его результатов; именно «смещение желаемого и действительного» обуславливает конфронтацию между формулируемыми с энтузиазмом чрезмерными надеждами и их грустным опровержением фактами нашей повседневной действительности. Последовательно утопические импульсы, маркировали нередко драматично, исторический процесс континента, где индивидуальные мечты и надежды находили продолжение в реалиях коллективных фрустраций.

Многие из восторженных пророчеств относительно американской судьбы или имеющая место чрезмерная идеализация нашего бытия лежат в основе большей части противоречий, порожденных спорами об идентичности; решением, казалось бы, неразрешимых вопросов о том, кто мы, какова наша истинная идентичность. Та, провозглашаемая с максималистским волюнтаризмом, которую мы хотим обрести, или та, которая связана с окружающей нас реальностью, слагаемой из невыносимого неравенства, бедности, несправедливости, зависимости, отсутствия безопасности и эксплуатации? Здесь нашлось место множеству неудачных отступлений, ежедневных поражений, бесплодных усилий, утративших силу проектов, которые составляют большую «энциклопедию американской надежды».

Со всей своей пылкостью утопия способствовала обличениям несправедливости и неравенства и с сознанием идеологической необходимости, скорее по убеждению, нежели демонстративно, вдохновляла антиимпериалистическую мысль или философию освобождения, где знание о мире не отделялось от проекта его преобразования. Утопия отказалась от сердечного эклектизма и в основном предпочла боевую позицию, тот «мощный эстетический заряд и убедительность моральных действий»², которые можно наблюдать у Хосе Марти*. «Бастионы идей, — утверждал он, — надежней каменных бастионов», там, где «проза, отточенная и сверкающая блестящими таланта, становится идейной».

Сказанное объясняет не только знаковые события истории, но также и «замалчиваемую» хронику диссидентства и еретических мыслей, мечты и проекты «дополнительных возможностей», т.е. то, что мы могли бы называть «имплицитным потенциалом», и в чем другие видят причину превращения Америки в «кладбище идеологий». Постоянное напряжение между реальным и идеальным задает направление и опытам так называемой «живой утопии», утопическим практикам, которые образуют важные вехи истории континента.

Изучение различных моделей и утопических интенций, лежащих в основе истории Америки, позволяет нам обнаружить в «энциклопедической» перспективе все начатое и незавершенное в мыслях, политике и американской культуре. Эта богатая панорама позволяет почувствовать силу, которой обладает утопическая функция в различных формах своего выражения — от философии до искусства, от политических платформ до альтернативных опытов, осуществляемых в пространстве политики.

Дискурс контрастов, нерешенных оппозиций и антиномий, критический анализ сегодняшней реальности в состоянии пробить брешь в установленном порядке вещей; ведь утопическая функция, направляющая латиноамериканский исторический *praxis*, не может считаться выполненной в связи провозглашенным «концом утопий», напротив, она должна расцениваться как образ, мобилизующий новые предложения, исходящие «из» и «для» Латинской Америки, семантическая универсальность которых должна быть готова к рискам новых альтернативных проектов.

Итак, что мы понимаем в настоящее время под утопией? К чему в настоящее время сводится утопическая функция? Что мы можем предложить со своей стороны?

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ УТОПИИ

Утопия, традиционно понимаемая как политический или социальный проект, вообще игнорировала антропологическое измерение. Поэтому всякая будущая утопия должна иметь его в виду и, не утрачивая связи с реальностью, опираться на культурные манифестации. Самое большее, что может «напрячь» ее, — это выражение неудовлетворенности, впитывающей ритмы различных социальных групп, их обычаи и верования. Невозможно игнорировать совокупность культурных реалий, которым несет уг-

* Хосе Марти (1853—1895) — кубинский поэт, журналист, политик, лидер революции 1895—1898 гг. на Кубе.

розу экономико-финансовая глобализация, потому что в конечном счете только культурные изменения могут придать постоянство и последовательность изменениям политическим.

Иметь их в виду ни в коем случае не означает обходиться без утопической функции как динамического фактора исторических изменений, наоборот, предполагает придание им другого измерения и глубины: это измерение имманентного гуманизма, который характеризует *homo utopicus*. «Утопия, — говорит нам Рохелио Бланко Мартинес* в книге «Отсутствующий город. Утопия и утопизм в западном мышлении», — антропоцентрична, гуманистична и одновременно тоталитарна; прилагательное «тоталитарный» здесь используется не в политическом смысле, а в смысле наличия центростремительной точки, точки синтеза, гармонии, к которой устремляется структура. Утопия монистична в оптимистическом смысле, потому что помещает человека в центр мира как господина своих снов и хозяина своей судьбы»³.

Интересна в этой связи утопическая перспектива, прорисованная в главокем антропологическом исследовании Адольфо Коломбреса**. В своей работе «Появление цивилизации» аргентинский эссеист делает приоритетом «реконкисту утопического духа», рассматривая ее в качестве способа преодоления мифа как трансцендентной интерпретации американского воображения; он делает ставку на культурную интеграцию, эстетическое самоопределение и межкультурное взаимодействие. Не забывает Коломбрес в этом «появлении» сильной утопической интонации о факторе запаздывающего научного и технологического развития региона. Вновь антропологическая тематика проявляется в проекте включения в утопическую динамику автохтонных американских обществ, о чем спорит Альберто Флорес Галиндо в работе «В поисках инков: идентичность и утопия в Андах» (1986); она актуализируется в Пуэбла и Чиapas и в работах Гильермо Бонфила Баталла и Дарси Рибейры, автора последней «Утопии диких», увлекательного пересказа Масинайма; и, конечно, у Эстебана Кротца во всем его творчестве***.

Антропологический проект в перспективе культурного измерения присутствовал уже в кратком очерке «Утопия Америки» Педро Энрикеса Уренья****. В речи, адресованной студентам университета Ла Платы в 1922 г., Энрикес Уренья впервые заговорил об «утопии Америки». В своем зажигательном послании он призвал «дать образование всем людям», найти «наилучшие инструменты для создания всеобщего блага» и прилагать благородные усилия, чтобы «приблизиться к социальной справедливости и подлинной свободе», что в итоге было резюмировано в лозунге: «идти,

* Рохелио Бланко Мартинес (1953) — испанский философ, социолог, доктор педагогики, возглавляет Региональный центр содействия развитию книжного дела в Латинской Америке и Карибском бассейне.

** Адольфо Коломбрес (1944) — аргентинский антрополог, писатель, юрист.

*** Альберто Флорес Галиндо (1949—1990) — перуанский историк, социальный философ и эссеист; Гильермо Бонфил Баталла (1935—1991) — мексиканский этнолог и антрополог; Дарси Рибейро (1922—1997) — бразильский интеллектуал и политик, автор трудов по образованию, социологии и антропологии. 1962—1963 гг. — министр образования Бразилии; Эстебан Кротц — мексиканский философ, антрополог, профессор UNAM

**** Педро Энрикес Уренья (настоящее имя — Nicolás Federico Henríquez Ureña, 1884—1946) — доминиканский интеллектуал, писатель и литературный критик.

наконец, вперед, к нашей утопии». Этот лозунг с годами превратился в судьбоносную проблему латиноамериканской мысли⁴.

Энрикес Уренья соединяет исторические идеалы Боливара, Родо и особенно Хосе Васконселоса* — политическое единство, *Magna Patria*, «космическая раса», чтобы представить их в качестве утопической программы. «Утопия должна стать нашей стрелой желаний», заявляет он в «Родине справедливости», очерке 1925 г., где формулирует главный вопрос: «Если утопии не будут плодоносить в Америке, то где они найдут себе приют?»⁵.

Заслуги Энрикеса Уреньи в постановке данного вопроса фундаментальны и не подвергаются сомнению. Рафаэль Гутьерес Гирадот** отмечал, что, хотя доминиканский эссеист не планировал создания трудоемкого всеохватного проекта, подобного «Духу утопии» Э.Блоха (1918), в нарисованной им американской перспективе утопия трансформировалась в «антропологическую и историческую категорию», основанную на критической и рационалистической способности человеческого существа. Стремление к совершенству, которое рождается вместе с греческой философией, обретает свою историческую и антропологическую определенность в Америке, где утопия превращается в диалектическую форму мысли. Поэтому развивая мартианский идеал «нашей Америки», можно говорить о «нашей утопии» в двойном смысле: реализация утопии как «наше человеческое и историческое самоосуществление» и как самоосуществление Америки, которая «исторически была Утопией»⁶.

МЕЖДУ УТОПИЕЙ И РАЗОЧАРОВАНИЕМ

Далекие от фундаментализма и волюнтаризма предыдущих десятилетий сегодняшние утопические перспективы проецируются на пространства более размеренной работы, туда, где оказывается востребованным «историческое терпение», а не неотложные изменения, к которым стремились в конце 60-х годов. В этом смысле можно согласиться с Клаудио Маргисом***, по мнению которого сегодняшний кризис не может не иметь позитивных аспектов, потому что конец мифа о Революции и Великого Проекта должен придать «больше конкретной силы идеалам справедливости», лишенным искажений мифологизирующего и всеобъемлющего идолопоклонства. Чтобы достичь этого итальянский очеркист рекомендует терпение, упорство в установлении правильного баланса между утопией и разочарованием.

После освобождения от мифов и идолопоклонства абсолютистских призывов, приходит осознание, что мир не может быть задан раз и навсегда, и что «каждое поколение должно толкать, подобно Сизифу, свой собственный камень, если не хочет, чтобы он придавил его сверху». Поэтому Маргис понимает под утопией не только «неподчинение существующему порядку, каков он есть,

* Хосе Васконселос (1882—1959) — философ, политик, педагог, общественный деятель. 1920—1921 гг. — ректор Национального университета (UNAM); 1921—1924 — министр народного образования Мексики; Хосе Энрике Родо (1871—1917) — уругвайский писатель-эссеист, литературный критик, журналист, политический деятель, педагог.

** Рафаэль Гутьерес Гирадот (1928—2005) колумбийский философ, эссеист и издатель. Основатель издательства Taurus (1954).

*** Клаудио Маргис (1939) — итальянский ученый, писатель-эссеист, журналист, переводчик.

но и борьбу за такой порядок, каким он должен быть»⁷, даже если борьба будет сопряжена с неизбежным «разочарованием».

Утопия и разочарование не противостоят, но взаимно поддерживают и корректируют друг друга, помогая в осуществлении своих моделей. Разочарование, корректируя утопию, усиливает ее основной элемент — надежду, и хорошо бы здесь вспомнить Канта, что надежда возникает не из виденья спокойного и оптимистичного мира, а «из жизненных испытаний и неприкрытых страданий, порождающих неукротимую жажду избавления»⁸.

Здесь ключ к разгадке: осознать, что избавление, обещанное и потехное, необходимо искать с терпением и сдержанностью, понимая, что у нас нет какого-то определенного готового рецепта, но одновременно избегая насмешек над утопией и той ее ролью, которую она всегда играла в истории человечества и Латинской Америки, в частности.

Терпеливо следуя мере, то, что венесуэлец Наим Пиньяно называет «работой плотника»⁹, следует преодолеть революционное нетерпение, игнорирующее тщательную подготовку и поступательность шагов, необходимых любому действию, как в случае, когда оно предстает как воплощение воли каудильо, который «порождает» политическую реальность процветания одним только ее провозглашением, трансформируя импровизацию в добродетель; так и в случае «институализирующего волюнтаризма», воображающего, что, прописанные в декрете или законе цели, принесут плоды, едва только получают соответствующую санкцию.

Хорошо бы вспомнить о том, что эта «умеренность» была свойственна многим латиноамериканским мыслителям. В противоположность Франсиско Гарсия Кальдерону* с его окрашенными мессианизмом рассуждениями об американской судьбе в «Создании континента» (1912) или Франсиско Бильбао** с его «инициативами» объединить душу, мысли, сердце и волю и провозгласить из Америки «начало новой эры»¹⁰. Хосе Карлос Мариатеги*** критикует «старую и неизлечимую болезнь словесной экзальтации нашей Америки», полагая, что последнюю более не нужно кормить «искусственными и напыщенными восхвалениями»¹¹. Автор «Семи очерков истолкования перуанской действительности» (1928) считал, что чрезмерная вера Америки в свое будущее порождает серию преувеличений, категоричность которых необходимо смягчить, исходя из здравого смысла, дополненного историзмом эссеиста, чувствующим себя в моральном плане «реформатором» и «преобразователем общества».

Отсюда следует, что континентальная утопическая рефлексия должна сочетать постановку желаемых социальных целей с одновременным провозглашением способов их достижения, уподобиться «соединительной петле» между историей и рефлексией, стать точкой соприкосновения между теорией и практикой¹². Перспектива относительности, которую также прочувствовал Марти, когда уточнял, что Америка имеет свою историю

* Франсиско Гарсия Кальдерон (1883—1953) — перуанский философ, писатель и дипломат.

** Франсиско Бильбао (1823—1865) — чилийский философ, писатель и политик.

*** Хосе Карлос Мариатеги (1894—1930) — перуанский писатель, политик, философ-марксист.

и не может постоянно «изобретаться»: это не пустота, которая должна всякий раз заполняться заново. Он напоминал, что Америка — это ее индейцы, но также ее конкистадоры, освободители и просветители: это одно целое, подлинный тигель культур. Поэтому советуют «подражать, если не умеешь ничего другого, но даже подражая, немного изобретать, адаптировать»¹³, «подражать, адаптируя», потому что существует опасность, что в желании отличиться от того, что есть, можно полностью потерять все то положительное, что уже имеется.

В этой рефлексии Латинская Америка вновь превращается в центр существования модернистских и автохтонных взглядов, будущего, которое встречается с надеждой, и прошлого, присутствующего в ее предместьях и деревнях. Утопия продолжает оставаться реальностью и необходимостью, которую сопровождает не эхо создания систем, а ответственное творчество индивидуальности, соединенное с коллективным взаимодействием. Ведь мы ушли от всеобъемлющих систем, обобщающих программных установок и просветительского волонтаризма классической утопии и приблизились к «будущему в процессе созидания», как сказал бы Поль Валери*, «созидания, которое происходит день за днем в настоящем, здесь и теперь» и которое в силу этого более встроено в идею вероятности, чем в принцип достоверности. Уже нет будущего, которое можно считать предопределенным, а есть множество различных вариантов будущего, вероятность которых зависит от мудрости, с которой осмысляются современные тенденции и их возможные последствия»¹⁴.

Таковы грани утопии, которые могут проецироваться за пределы ностальгии и разочарования. Утопии, которые разовьют «способность к разумному гражданскому неповиновению» и которые пойдут значительно дальше проектов экологических или социальных протестных движений, чтобы еще решительнее влиять на политику. Сейчас говорят о создании инструментов политического участия без обязательного создания «другой партии»; об углублении «демократической радикальности», которая не должна быть исключительно официальной или маргинальной; о способах углубления столь необходимой диалектики между глобальным и локальным — во всех этих рассуждениях смутно ощущается кризис доверия демократической системе и традиционным политическим партиям, что теперь стали называть «голодом другой политики»¹⁵.

Этот «голод другой политики», который лежит в основе любой утопии, относится скорее к неформальной, чем к формальной политике, согласно разграничению, проводимому Давидом Мэтьюсом** в «Политике для людей»¹⁶. Неформальная политика предполагает гражданскую работу на всеобщее благо, в которой гражданин не чувствует себя жертвой или потребителем навязанных или доступных политических решений, но творцом общего пространства глубоко прочувствованных, а не формально принятых решений.

Этот важный этап долгого (и спокойного) путешествия из умиротворенности и сосуществования к толерантности, умеренности, преодолению драматизма и конвергенции — в котором нормативный консенсус между поколениями также играет свою роль, — как мне кажется, начался в боль-

* Поль Валери (1871—1945) — французский поэт, эссеист.

** Давид Мэтьюс (1935) — историк, политик. 1969—1975 гг. — президент университета Алабамы, с 1975 по 1977 г. — министр здравоохранения, образования и социального обеспечения США.

шей части Латинской Америки, хотя некоторые демоны «путчизма» и популистских решений, взрывы насилия продолжают ее преследовать, и хотя наиболее глубокие последствия авторитаризма, непримиримости, различий и несправедливости не были предотвращены.

УТОПИЯ, СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ АМЕРИКАНСКОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ

Прошлое и будущее Латинской Америки предстают неразрывно слитыми с «бесконечным маршем утопий», о котором серьезно и поэтически в 1953 г. писал бразилец Освальдо де Андраде*; «маршем», представляющим собой сегодня *корпус* эссе и исследований, которые философия не может обойти своим вниманием. «Бесконечный марш утопий», маркирующий историю Латинской Америки, начиная с «встречи», открытия, Конкисты и колонизации и до наших дней, проходит через идеологию эпохи Просвещения и независимости. Поэтому будущая утопия должна впитать не только само историческое наследие, но и его экспериментальный характер, тесно связанный с политическим, социальным и литературно-художественным будущим.

Латиноамериканская критика предлагает примеры утопического прочтения литературных произведений. Хуан Дуран Лусио** в «Творчестве и утопии»¹⁷ проводит анализ утопической интенциональности в «Араукане» Алонсо де Эрсильи*** и «Величии Мехико» Бальбуэны****, отмечая их «аркадическую» филиацию; американистских стихов Рубена Дарио и текстов, которые идут от «Дневников» Колумба к «Ста годам одиночества» Габриэля Гарсиа Маркеса. В свою очередь Рафаэль Умберто Морена Дуран***** описывает в своей работе «От варварства к воображению» диалектику неразрешенных дуализмов между цивилизацией-варварством, Аркадией — городом, Просперо — Калибаном, чтобы попытаться преодолеть их, опираясь на утопическую динамику воображения.

Переиздание забытых утопических текстов в коллекциях, руководимых Дардо Кунео в издательстве Монте Авила (Каракас) и Феликсом Вейнбергом***** в «Аргентинском прошлом» издательства Солар-Ачетте (Буэнос-Айрес), критические статьи в журналах и доклады на конгрессах показывают, что американский континент, далекий от европейского процесса истощения утопического мышления, остается неиссякаемым родником чрезмерных надежд. Со своей стороны, в книгах «Искатели утопии» и «Культурная идентичность Иberoамерики в ее прозе»¹⁸ мы настаиваем на утопической функции некоторых «романов инициации», среди которых

* Освальдо де Андраде (1890—1954) — бразильский поэт, писатель, журналист видный представитель модернизма.

** Хуан Дуран Лусио (р. 1942 г.) — профессор Школы литературы и наук о языке Национального университета Heredia Коста Рики, где проживает с 1978 г. Докторская диссертация по романской литературе.

*** Алонсо де Эрсилья (1533—1594) — испанский поэт, участник Конкисты.

**** Бернардо де Бальбуэна (1562—1627) — испанский поэт.

***** Рафаэль Умберто Морена Дуран (1945—2005) — колумбийский писатель и эссеист.

***** Дардо Кунео (1914—2011) — аргентинский интеллектуал, писатель, журналист социалистической ориентации; Феликс Вейнберг — аргентинский интеллектуал, историк и издатель.

фигурируют «Рай» Хосе Лесама Лимы*, «Потерянные следы» Алехо Карпентера и «Игра в классики» Хулио Кортасара**, — произведений, которые являются парадигматическими примерами того, что мы называем центристским и центробежным движением в поисках американской идентичности, и где утопическая компонента играет решающую роль. Измерение «чудесного утопического»¹⁹ должно было преодолеть утраченное «чудесное реальное» или «магический реализм», в котором иссякло критическое виденье.

На ряде симпозиумов, посвященных проблеме «Утопии и Латинская Америка», некоторые из которых мы организовали совместно с известным исследователем данной темы Горацио Серутти*** в рамках международных конгрессов американистов в Стокгольме, Кито, Варшаве, Сантьяго-де-Чили и Севилье, устанавливались концептуальные границы и отстаивалась теоретическая междисциплинарность того, что сегодня стало главой латиноамериканской философии. Результаты этих трудов были опубликованы в коллективных монографиях, развивающих идею, ранее высказанную Артуро Андресом Роигом**** в книге «Цивилизаторский процесс и утопическая практика в нашей Америке» (1995): Америка, прежде бывшая хранилищем утопий для других, теперь творит утопии для себя, провозглашает право на «нашу утопию» — неотъемлемое право критического мышления и освободительного дискурса.

Многим эта новая утопия может показаться неосуществимой. Однако это не так. В современном мире, изменившем свои пределы, все приглашает к тому, чтобы в сложной, разнообразной и множественной текстуре социокультурной реальности освободить утопию от исключительно политического тотализирующего (чтобы не сказать тоталитарного) содержания и обратить в сторону «инаковости» и «социальности» открытых и динамичных межчеловеческих отношений. Утопия должна принадлежать не сфере абсолютного знания, но «встрече», т.е. тому, что Левинас***** трактует как поле едва начинающих исследований — утопия человека²⁰.

Несмотря на утрату уверенности и на то, что сейчас не самые подходящие условия для изучения утопической функции, мы, «искатели утопии», продолжаем упорную работу в данном направлении в Латинской Америке. Творения «чудесного утопического» вновь будут, как оно уже не раз бывало в другие периоды истории идей Нового Света, утопиями творческими и фантастическими, истинными выражениями ренессанса критического мышления, литературными творениями, создаваемыми для и во имя большей свободы. Я в этом настолько убежден, что хочу закончить словами, которые не помню, где прочитал, и кто их сказал: «Я видел лучшее будущее, и оно реально».

* Хосе Лесама Лима (1910—1976) — кубинский писатель и поэт.

** Хулио Кортасар (1914—1984) — аргентинский писатель и эссеист, представитель «магического реализма».

*** Горацио Серутти Гулдберг (1950) — мексиканский философ аргентинского происхождения, профессор, доктор философии (UNAM).

**** Артуро Андрес Роиг (1922—2012) — аргентинский философ, историк латиноамериканской философии и общественной мысли.

***** Эммануэль Левинас (1905—1995) — французский философ еврейско-литовского происхождения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эрнст Блох в своем труде «Принцип надежды» (Мадрид, 2004) выделяет «Грезы наяву» как основное свойство структурированного утопического мышления. За грезами должна следовать воля к действию, «волевой» аспект, который маркирует подлинную утопическую интенцию.

² S.Morales. El ensayo revolucionario: José Martí. — El ensayo en nuestra América. Para una reconceptualización. México, 1993, p. 330.

³ R.Blanco Martínez. La ciudad ausente. Utopía y utopismo en el pensamiento occidental. Madrid, 1999, p. 66.

⁴ P.Henríquez Ureña. La utopía de América. Caracas, 1978, p. 38.

⁵ Ibid, p. 10.

⁶ R.Gutiérrez Girardot. Prólogo a la utopía de América, o.c., p. XXIV.

⁷ C.Margis. Utopía y desencanto. Barcelona, 2001, p. 11.

⁸ Ibid., p. 15.

⁹ Venezuela, repeticiones y rupturas. La reconquista de la convivencia democrática, compilado por María Ramírez Ribes como Informe del capítulo venezolano del Club de Roma. Caracas, 2003.

¹⁰ F.Bilbao. Iniciativa de América, Latinoamericana. — Cuadernos de cultura latinoamericana, 96, 3, 1978, p. 6. Несмотря на свой демонстративный волюнтаризм, Бильбао не перестает утверждать, что в отличие от Соединенных Штатов Латинская Америка предстает как «разъединенные штаты».

¹¹ J.C.Mariátegui. ¿Existe un pensamiento hispanoamericano?. — Fuentes de la cultura latinoamericana. México, 1993, p. 40.

¹² H.Cerutti. Hipótesis para una teoría de ensayo. Primera aproximación. — El ensayo en nuestra América, p. 23.

¹³ A.Casó. «Alas y plomo». Apuntamientos de cultura patria (1943), Precursores del pensamiento contemporáneo. Antología. México, 1979, p. 160.

¹⁴ M.Ramírez Ribes. La utopía contra la historia. Caracas, 2005, p. 271.

¹⁵ J.M.Mendiluce. La nueva política. Por una globalización democrática. Barcelona, 2002, p. 123. «Есть голод политики, другой политики, голод формулировки новых предложений, которые выдвигаются различными людьми, представляющими разноцветную социальную и многопоколенную гамму, которые чувствуют себя прогрессивными и которые не находят ни в дискурсах, ни в текстах, ни у лиц, выдвигающих предложения, ни в закрытых списках современных левых социал-демократических и коммунистических формообразований — необходимых ответов на волнующие их вопросы.

¹⁶ D.Matthews. Política para la gente. Medellín, 1997.

¹⁷ J.Durán Luzio. Creación y utopía (Letras de Hispanoamérica). San José de Costa Rica, 1979.

¹⁸ F.Ainsa. Los buscadores de la utopía. Caracas, 1977; i d e m. Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa. Madrid, 1986.

¹⁹ Мишель Абенсуар определяет «чудесное утопическое» в работе «William Morris. Utopie libertaire et novation technique» (Lyon/Geneve, 1982) следующим образом: чудесное выражает необходимость преодоления границ, установленных нашей структурой, как способ прийти к наивысшей красоте, величайшему могуществу, наибольшему удовольствию. Оно стремится преодолеть границы пространства и времени, разрушить барьеры рациональности, это истинная борьба за свободу, против всего, что ее ограничивает, разрушает или калечит. Мы развивали эту идею в работе «В защиту чудесного утопического». — Espacio literario y fronteras de la identidad. San José, Costa Rica, 2005, p. 270—279.

²⁰ E.Levinas. Totalidad e infinito. Buenos Aires, 1998.

Перевод Т.С.ПАНИОТОВОЙ